

ОБРАЗНОСТЬ КАК КОНСТИТУТИВНЫЙ ПРИЗНАК ДИАЛЕКТНОЙ КАРТИНЫ МИРА (на материале кубанских говоров)

О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина, Д.А. Литвиненко

На материале кубанских говоров исследуется один из конститутивных признаков диалектной картины мира – образность, проявляющаяся в развитии переносных значений, появлении образных устойчивых выражений, создании на основе метафорического переноса устойчивых номенклатурно-терминологических словосочетаний, функционировании в речи метафор различных видов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: диалектная картина мира, кубанские говоры, образность, виды метафоры, метафорические модели, метонимические модели, образные и стёртые метафоры

БОРИСОВА Ольга Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка Кубанского государственного университета. ogborisova@mail.ru

КОСТИНА Людмила Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры современного русского языка Кубанского государственного университета. patriot30@mail.ru

ЛИТВИНЕНКО Дарья Александровна – соискатель кафедры современного русского языка Кубанского государственного университета. unit-96@mail.ru

Цитирование: Борисова О.Г., Костина Л.Ю., Литвиненко Д.А. Образность как конститутивный признак диалектной картины мира (на материале кубанских говоров) [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2022, № 1. – С. 52–71. Режим доступа: www.tverlingua.ru

**FIGURATIVENESS AS DISTINCTIVE FEATURE OF DIALECT WORD
VIEW (based on materials of Kuban region sub-dialects)**

Olga G. Borisova, Lyudmila Yu. Kostina, Darya A. Litvinenko

Using the materials of Kuban region sub-dialects, the article examines one of the distinctive features of dialect world view, that is the figurativeness, which manifests in evolvement of figurative set expressions, in creation of set nomenclative terminological phrases on the basis of metaphorical transfer, in functioning of various metaphors in speech

KEY WORDS: dialect picture of the world, Kuban dialects, figurativeness, types of metaphor, metaphorical models, metonymic models, figurative and erased metaphors

BORISOVA Olga G. – DSc in Philology, Docent, Professor of the department of Modern Russian Language of Kuban State University. ogborisova@mail.ru

KOSTINA Lyudmila Yu. – PhD in Philology, Docent, Docent of the department of Modern Russian Language of Kuban State University. patriot30@mail.ru

LITVINENKO Darya A. – Postgraduate Student of the department of Modern Russian Language of Kuban State University. unit-96@mail.ru

Citation: Borisova O.G., Kostina L.Yu., Litvinenko D.A. Figurativeness as distinctive feature of dialect word view (based on materials of Kuban region sub-dialects) [Electronic resource] // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2022, № 1. – P. 52–71. Access mode: www.tverlingua.ru

Образность как способ отношения к окружающей действительности во многом определяет специфику мышления носителей говоров, раскрывая их обыденную («наивную») картину мира. Уместно привести высказывание М. М. Пришвина о том, что «в известном кругу общества художественный синтетический дар <...> имеют очень немногие, но в простом трудовом

народе, причастном к стихии, он есть общее достояние, как воздух и вода» (Пришвин). Образность народных говоров обусловлена конкретным и ассоциативным характером мышления простого человека, который в силу жизненного опыта замечает разнообразные связи между предметами и явлениями действительности. Эта способность находит отражение в семантике слов и устойчивых выражений. Наряду с эмоциональностью, пессимизмом, консерватизмом, детализацией (парцеллированием) образность является одним из конститутивных признаков диалектной картины мира (далее – ДКМ) (ср. Радченко, Закуткина, 2004; Овчинникова, 2006).

Наиболее релевантными в процессе структурирования мира когнитологи справедливо считают метафорические модели, рассматривая метафору как инструмент познания мироустройства человеком (Е. С. Кубрякова, А. П. Чудинов, Дж. Лакофф, М. Джонсон и др.). Метафора выступает выразителем народных стереотипов, аккумулирующих культурный и социальный опыт диалектоносителей. Метафорические переносы в говорах носят как наддиалектный, так и региональный характер.

Как показывают материалы региональных словарей, наиболее распространёнными в кубанских говорах (далее – КГ) являются метафорические модели *животный мир* → *человек* и *растительный мир* → *человек* (Борисова, 2019: 354). В их основу заложена прагматическая оценка объектов окружающего мира, вербально репрезентированных диалектными фитонимами и зоонимами. См., напр.: *ва'лух* '1. Кастрированный баран или козел. 2. О неповоротливом, нерасторопном человеке, *кы'ця* '1. Кошка, киска. 2. О худенькой девочке или девушке, не отличающейся хорошим аппетитом', *шарчо'нок* '1. Мелкорослая собачка. 2. О человеке маленького роста', *замо'рух* '1. Недозревший плод. 2. О хилом, слабом человеке', *калб'я'к* '1. Пень. 2. ирон. О глупом, бестолковом человеке', *опу'пенюк* '1. Зародыш огуречный, завязь. 2. О маленьком мальчике' и др. В словарях нашли отражение и другие метафорические модели: *человек* → *животный мир*, *человек* → *растительный мир*, *человек* → *явление или состояние природы*.

См., напр.: *деды* '1. Дед и баба. 2. Белые кучевые облака, предвещающие дождь', *кошла'тый* '1. Косматый, нечёсанный. 2. Раскидистый (о растении)', *мама'ша* '1. Крёстная мать. 2. Рыба с икрой' и др. Регулярность этих моделей подтверждает взаимосвязь человека и окружающей его природы. К продуктивным тематическим метафорам в КГ следует отнести перенос по типу *бытовой предмет* → *человек* и *бытовой предмет* → *части тела человека*. См., напр.: *балабо'н* '1. Колокольчик. 2. О болтливом человеке', *калга'н* '1. Деревянная или глиняная чашка. 2. *перен.*; *ирон.* Голова' и др. Основу производных значений составляют внешнее сходство человека с предметом, номинируемым производящим словом, или ассоциативные связи действий человека, называемого производным словом, с функциональными характеристиками предмета. Регулярна метафорическая модель *бытовой предмет* → *наименование растения или его частей*. См., напр.: *бато'г* '1. Кнут в виде длинного ремня на деревянной палке. 2. *чаще мн.* Побег на огурцах, арбузах', *гле'чик* '1. Горшок с узким горлом для молока. 2. *чаще мн.* Помидоры продолговатой формы' и др. Стабильность переносных значений, возникших на базе бытийной метафоры, демонстрирует, что для метафорической деривации носители говоров, как правило, предпочитают выбирать знакомые им образы, окружающие их в повседневности.

Если метафора представляет собой субъективную ассоциативную связь между понятиями, то при метонимии связь между новым и уже известным объективна, подтверждена опытным путем. Для народно-разговорной речи особенно характерна метонимия, «основанная на психологической ассоциации, т. е. на вещной связи в самом широком её понимании» (Коготкова, 1979: 163). Типы метонимического переноса в КГ разнообразны. См., напр.: *действие* → *результат действия*: *шитво'* '1. Действие по знач. глагола *шить*. 2. То, что шьётся или сшито'; *материал* → *изделие из него*: *матрёшка* '1. Материал в клетку. 2. Небольшой шерстяной платок в клетку'; *бытовой предмет* → *обрядовый предмет*: *косты'ль* '1. Палка. 2. *Устар. и обряд.* Атрибут свадебного обряда: шест (палка), украшенный лентами, с

которым невеста с *дружкой* ходят по дворам и приглашают гостей (использовалась для отгона собак)'; *продукт* → *блюдо из данного продукта*: *ло'кша* '1. Домашняя лапша. 2. Суп из домашней лапши'; *болезнь* → *орган, поражённый данной болезнью*: *зава'лка* '1. Ангина. 2. Гланды' и др.

Образность диалектной речи проявляется также в наличии устойчивых выражений, механизмы создания которых имеют метафорическую основу. Заложенные в компонентах диалектных фразеологических единиц (далее – ДФЕ) символные функции, как правило, отражают общенародную традиционную культуру, что подтверждается наличием структурных параллелей общенародных фразеологизмов. Ср.: *га'рыть зу'бы* – *скалить зубы*, *задра'ть кы'рпу* – *задрать нос*, *пусти'ть кра'сного ко'чета* – *пустить красного петуха*, *ка'ша заколоты'лась* – *каша заварилась*, *скрыпе'ть як / как нема'заная гарба'* – *скрипеть как намазаная телега* и др. Между тем в КГ функционируют ДФЕ, обладающие региональной спецификой в образном освоении действительности диалектоносителями, которая обнаруживается на уровне внутренней формы ДФЕ, в создании нехарактерных (с точки зрения носителя литературного языка) образов, эксклюзивности семантических решений. См., напр.: *ха'та на коне'* 'бурка казака', *жени'ть молоко'* 'разбавлять молоко водой, имея выгоду при продаже', *закуды'кивать доро'гу* 'приносить неудачу, спрашивая *куда идёшь?* вместо *(г)де идёшь?*', *не йи'сть до'хлого ко'ришуна* 'не знать горя, нужды, трудностей', *под коры'том сиде'ть* 'не выйти замуж раньше младшей сестры, оставаться в девках' и др. Рассмотрим зафиксированные в имеющихся диалектных материалах наиболее продуктивные виды метафоры.

Значительный пласт составляют устойчивые антропоморфные сочетания. См., напр.: *швы'дка(я) кулы'на* 'о человеке, который делает быстро, но не очень хорошо', *швы'дка(я) на'стя* 'расстройство кишечника', *девча'чий пасту'х* 'мальчик, любящий играть с девочками', *шо с ми'рошником суди'ться* 'трудно убедить, уговорить кого-л.' (*миро'шник* 'мельник'), *як по'йда* 'о человеке в большой по размеру одежде' и др. Среди

антропоморфных ДФЕ особенно многочисленны фразеологизмы, компонентами которых являются соматизмы, что, по наблюдениям диалектологов, присуще всем русским говорам (Ивашко, 1981: 81–82; Гынгазова, 2009: 14). См., напр.: *с пу'пенка, с пу'печка* 'с раннего детства', *но'ги порва'ть* 'сильно устать от ходьбы', *постро'иться в нога'х* 'построить дом в конце двора родителей', *растеря'ть ня'тки* 'торопиться', *зу'бы слипа'ются* 'о чём-то очень сладком' и др. Наиболее продуктивны в КГ при образовании ДФЕ соматизмы *рука* (44 ДФЕ), *глаз* (39 ДФЕ), *язык* (33 ДФЕ) (Борисова, 2019: 221), что закономерно, поскольку денотаты этих лексем связаны с базовыми функциями человека как биологического вида. См., напр.: *ка'пнуть на ру'ки* 'дать взятку', *и в ру'ку не плю'нуть* 'ничего не дать, ничем не одарить', *чу'рка с глаза'ми* 'очень некрасивый человек', *не своди'ть глаз с гла'зом* 'не спать, не смыкать глаз', *налома'ть язы'к* 'научиться красиво говорить, рассуждать', *переверну'ть язы'к* 'перейти с местного диалекта на литературный язык' и др. Образованные на основе антропоморфной метафоры ДФЕ с соматическим компонентом свидетельствуют о высокой степени «телесности» ДКМ жителей Кубани, моделирующих реальность по своему образу и подобию.

Многочисленны в КГ и ДФЕ, созданные на базе натуроморфной метафоры, при которой действия, признаки, социальные реалии осмысляются в концептах окружающей человека природы. См., напр.: *на ка'ждом молодике'* 'очень часто' (*молоди'к* 'молодой месяц'), *тума'ном прыпале'нный* 'неумный, недалёкий человек', *дождём не смочи'ть* 'очень много', *ни туча' ни гром нипочём* 'кому-л. ничего не страшно', *як в во'ду впасть* 'сказать невпопад' и др. В данной группе преобладают ДФЕ с компонентами зоонимами и фитонимами, воплощающие ментальные национально-культурные стереотипы. Мир флоры достаточно продуктивно представлен в кубанских фразеологизмах, фитонимическая лексика в которых наделена в сознании носителей говоров символическими признаками. Так, в кубанских говорах с украинской языковой основой (далее – КГУЯО)

бытует устойчивый оборот *хай бу'де гре'чка* 'призыв уступить в споре, соглашаясь с неубедительными аргументами', возникший на базе украинской поговорки *хай бу'де гре'чка мак*. Экспрессивность данного ДФЕ связана с тем, что гречиха как сельскохозяйственная культура очень ценилась украинцами, поэтому назвать её маком означало не только ироничное согласие с неаргументированными доводами, но и существенное преуменьшение чего-то чрезвычайно важного. В речи жителей районов Кубани, где распространены КГУЯО, активно функционирует ДФЕ *навдога'д буря(а)ки'в, шоб дали' капу'сты* 'просить намёком об одном, желая получить и нечто большее'. Устойчивый оборот образован на базе рассказа, в котором одна соседка пришла попросить у другой *буря(а)ка'* (свёклу), чтобы сварить борщ. Однако ей не хватило смелости сразу сказать об этом. Только после долгих разговоров она наконец озвучила свою просьбу и, получив *буря'(а)'к*, заняла ещё и капусту. См. также ДФЕ с компонентами-фитонимами: *на ве'рбе гру'ши* 'небылицы, вздор', *ре[э]нья'х в(у) кра'пынку* 'о нелепом, несуразном человеке; чудо в перьях' (*ре[э]нья'х* 'репей'), *вей трава'* 'безразлично', *траво'й стели'ться* 'угождать', *хучь ре'пу сей* 'о грязи в ушах' и др. Особенно употребительны в составе ДФЕ зоонимы, что обусловлено имманентным свойством человека постигать мир и самого себя через сравнение с животными. Наибольшая активность отмечается у таких лексем, как *собака* (30 ДФЕ), *вол(в)к* (16), *конь* (13) (Борисова, 2019: 220). См., напр.: *соба'кам се'но коси'ть, на соба'к га'вкать / бреха'ть* 'заниматься бесполезным делом, бездельничать', *от семи' / от ста соба'к отбре'шется* 'о человеке, который может постоять за себя', *на'хнет сма'ленным во'л(в)ком* 'назревают какие-то неприятности', *зобра'ться как волк в коша'ру* 'нахально войти куда-л.', *конь в(у) ю'бке* 'о женщине крепкого телосложения, грубоватой', *быть на коне'* и *под конём* 'много испытать' и др.

В имеющихся материалах зафиксированы ДФЕ, образованные в результате метафорического моделирования, источник которого –

социальная сфера (социоморфная метафора). Среди них особое место занимают ДФЕ, отражающие особенности казачьего семейного уклада. Так, в КГ функционирует устойчивое сравнение (далее – УС) *как / як свёкор пелёнки / пелюшки' мыть / стира'ть / прать* 'о чём-л. маловероятном, невозможном', в котором прослеживается стереотипизированное представление о том, что свёкор в казачьей семье ни при каких обстоятельствах не будет выполнять женскую работу. ДФЕ *приста'ть у(в) зятья'* 'после женитьбы поселиться в доме родителей жены' связан с прототипической ситуацией – нарушением послесвадебной традиции забирать жену из дома родителей. Отсутствие собственного жилья у мужчины, как правило, осуждалось, в силу чего фразеологизм может приобретать ироническую коннотацию.

Ряд ДФЕ данной группы связан с воинской службой кубанских казаков. Так, на базе устаревшего составного наименования *ди'кая диви'зия* 'воинское подразделение из нескольких полков, в которых до революции и в гражданскую войну служили преимущественно горцы Кавказа' образовалось метафорическое значение 'о шумных, озорных детях'. Яркий пласт в КГ образуют ДФЕ с компонентом *конь* (прежде всего в значении 'боевой конь'), что обусловлено важной ролью коня в воинской службе кубанских казаков. См., напр.: *на коня'* 'устар. в качестве подарка брату невесты на покупку боевого коня', *быть на коне'* и *под конём* 'много испытать', *конём игра'ть* 'скакать', *с коня' не сла'зить* 'постоянно участвовать в военных походах', *то и конь, что трено'ги рвёт* 'о своевольном, свободолюбивом боевом коне' и др.

На основе социоморфной метафоры образованы и ДФЕ, в которых находят отражение исторически сложившиеся общенациональные и субэтнические стереотипы. Так, национальный антагонизм проявляется в УС *как ту'рок / ту'рка* 'о глупом человеке, не понимающем того, что ему говорят', *дурни'й як туре'цький кинь* 'о глупом человеке', а также в ДФЕ *будь оно' три'жды туре'цкое*, служащем для выражения проклятия. Их

появление обусловлено неприязнью кубанских казаков к туркам, с которыми они вели ожесточённые войны. В УС *кома'ндувать як цыга'н коньмы'* 'подчинять окружающих своей воле' раскрывается представление кубанских казаков о цыганах как о коневодах и конокрадах, способных обуздать любого коня. Согласно сложившемуся в русской культуре стереотипу хитростью и склонностью к конокрадству отличаются и татары, отсюда ДФЕ *иска'ть у тата'рина кобы'лу* 'заниматься бесполезным делом'.

См. также другие ДФЕ, созданные на базе социоморфной метафоры: *па'нского ро'ду* '1) о человеке с вьющимися волосами; 2) белоручка, неженка', *пе'рвого деся'тка, да не пе'рвой со'тни, пе'рвой со'тни, да не пе'рвой ты'сячи* 'не очень-то хороший, не бог весть какой', *база'рь стои'т(ь)* 'беспорядок', *голова' как дом сове'тов с пусты'м кабине'том* 'о человеке, который думает в данный момент о постороннем'.

Яркий пласт в КГ образуют ДФЕ, в основе которых лежит артефактная метафора. Их компоненты – наименования продуктов деятельности человека. В КГ зафиксированы антонимичные ДФЕ *хоть под мешо'к, хоть под горшо'к* 'о рослой, крупной, выносливой девушке' – *ни под мешо'к, ни под горшо'к* 'о девушке субтильного телосложения, не способной к тяжёлой физической работе', появление которых обусловлено тем, что в народных представлениях девушка как будущая хозяйка должна быть прежде всего физически крепкой. Эстетические взгляды диалектосителей раскрываются в УС с иронической коннотацией *как шелёвка* 'об очень худой девушке или женщине'. Его компонентом выступает лексический диалектизм, одно из значений которого в КГ – 'досточка для обшивания стены хаты'. Можно предположить, что лексема *шелёвка* стала основанием для сравнения в связи с тем, что этот предмет являлся актуальным для жителей Кубани, поскольку, как показывает география слова, во многих районах края дома обивались такими тонкими дощечками. Представления об идеале женской красоты передаёт ДФЕ *хочь пид стри'ху не веды'* 'о румяной, красивой девушке', где *стри'ха* 'нижняя часть крыши из камыша или соломы'. В основе ДФЕ лежит

следующая прототипическая ситуация: щёки девушки настолько горят румянцем, что от него может загореться *стри'ха*. Среди ДФЕ данной группы преобладают устойчивые выражения с диалектными наименованиями артефактов. См., напр.: *чёртова люшня'* 'о неуклюжем человеке' (*люшня'* 'шест с развилкой сверху и железной петлёй внизу, при помощи которого борта телеги'), *взя'ть в(у) лещётки* 'приструнить кого-л.' (*лещётки* 'кузнецкие клещи'), *отки'нуть / посуши'ть постолы'* 'умереть' (*постолы'* 'обувь из кожи домашних животных'), *рвать ба'рки* 'торопиться, спешить' (*ба'рки* 'хомут'), *чужи'е зага'ты счита'ть* 'жить по чужим углам' (*зага'ты* 'межа между соседними огородами, плетень') и др.

Религиоморфная метафора использует образы Бога, сатаны, черта, названия религиозных артефактов, праздников и др. Обусловленная присущей народному сознанию архаичностью, она связана с обрядами, приметами, поверьями. См., напр.: *не на'шего Бо'га* 'чужой, другой веры или другого склада человек', *сбры'знуть свято'й води'чкой* 'побить ремнём или лозинкой', *че'рти не сади'лись* 'о норовистом, необъезженном коне', *бере'чь как святу'ю па'сочку* 'относиться очень бережно и трепетно к кому-, чему-л.' (*па'сочка* 'пасхальный кулич'), *как бу'дто с Би'блии чита'е* 'о человеке, который легко вспоминает прошлое' и др. Частотна в составе кубанских ДФЕ лексема *чёрт*. В христианской религии чёрт враждебен человеку, его поведение осуждается. ДФЕ с компонентом *чёрт* выражают целую палитру смыслов (поступки, внешность, характер, поведение, образ жизни человека и т. д.). В разнообразной семантике ДФЕ с указанным демонизмом проявляется амбивалентное отношение жителей Кубани к «нечистой силе»: с одной стороны, суеверный страх и презрение, с другой – восхищение удалью чёрта. Не столь многочисленны в КГ ДФЕ с теонимом *Бог*, хотя вся жизнь казака связана с православием. Слабую фразеологическую активность теонима *Бог*, вероятно, можно объяснить нежеланием упоминать *Бога* всуе.

Помимо фразеологизмов в КГ функционируют и устойчивые номенклатурно-терминологические словосочетания (далее – УНТС). В

подавляющем большинстве УНТС лишены образности, поскольку номинируют, а не оценивают предметы или действия. Между тем некоторые УНТС (в КГ это, как правило, народные названия растений) номинируют предмет метафорически. См., напр.: *коро'на ца'рская* 'рябчик шахматный' (форма цветка напоминает корону), *Ва'нины ку'дри* 'мыльнянка лекарственная' (имеет пышные листья), *коша'чьи усы'* 'ортосифон тычиночный' (длинные тычинки, выступающие за венчик цветка, напоминают кошачьи усы), *за'ячьи у'шки* 'ландыш майский' (заострённый лист похож на уши зайца), *тёщин язы'к* 'сансевиерия' (плоские прямостоячие листья напоминают длинный язык) и др. У ряда УНТС, зарегистрированных в КГ, внутренняя форма свидетельствует об эксклюзивности образов. Так, необычны названия подушки, набитой перьями, ошипанными с живой птицы, – *жива'(я) поду'шка*; дыхательного горла – *го'рло*, (*з*)*де па'ски едя'т*. Оригинально УНТС *неве'ста в(у) капро'не* 'спирея белая'. Этот пышный многолетний куст с белыми мелкими цветами, похожий на наряд невесты, в некоторых районах Кубани называют *бога'той неве'стой*. Комнатный цветок бегония получил в русских говорах название *семе'йка* (СРНГ 37: 145) в связи с тем, что на одном стебле некоторых сортов бегонии могут располагаться несколько цветков. В КГ это растение называют составным наименованием *дру'жная семе'йка*, поскольку оно, по некоторым поверьям, делает семью дружной и сплочённой. Употребление УНТС, в основе которых лежит метафорический перенос, в стилистически нейтральной речи «затемняет» исходный образ.

Расширить представление о метафорической картине мира носителей КГ позволяют и зарегистрированные в рассказах информантов сухие (стёртые) общеязыковые метафоры. Особенно показательна интерпретация таких важных экзистенциальных категорий, как *жизнь* (в КГ *жи'зня*, *жисть*, *житу'ха*), *болезнь* (в КГ *боле'зня*, *боле'(и')сть*, *хворо'ба*, *хво'рость*), *смерть*, относящихся к «зонам актуального внимания» (термин В.Е. Гольдина).

В высказываниях информантов жизнь воспринимается как активный субъект, стремительно движущийся в пространстве мимо человека, который не в силах остановить ход времени. См., напр.: *И праишла' жысть* (ст-ца Архангельская). *Мая' жы'зня праишла'* (г. Новокубанск). *Ма'ма моя' каза'ла: «Колы' та жысть проишла'...»* (ст-ца Старотитаровская). Показательно, что в этих сухих метафорах диалектоносители констатируют окончание своей жизни, в чём проявляется пассивность человека. Зафиксированы контексты, где сухие метафоры выступают своеобразным каркасом для создания образных общеязыковых метафор, в которые включается творительный сравнения. См., напр.: *Вот мне во'симдидсят лет ужэ', жысть сном праишла'* (ст-ца Архангельская). *Ма'ма спа'ла с ме'ньшым сыно'чком и не просну'лась. Похорони'лы, и понесла'сь на'ша жызьнь колесо'м* (ст-ца Камышеватская). Представляется, что в некоторых контекстах посредством употребления ключевых слов «просвечиваются» прецедентные тексты, хранящиеся в памяти диалектоносителей и активно используемые ими. Так, слова *жизнь* и *поле* в высказывании информанта: *Жызьнь мая' пранисла'сь, пажаро'м пранисла'сь на по'лю* (ст-ца Натухаевская) – позволяют провести параллель с пословицей *Жизнь прожить – не поле перейти*. «Стёртая» образность сухих метафор может актуализироваться за счёт контактного использования фразеологизмов: *Мо'ладась, вона' пралите'ла – канём ни дагна'ть* (ст-ца Новотитаровская).

Течение жизни ассоциируется с ускоренным течением времени, что особенно остро ощущается в старости. Так, прошедшая молодость в сознании диалектоносителей часто измеряется не годами, а часами: *До'бри ти часы' булы', колы' мы парупкова'лы. А щас ще? Вжэ баба'й. Щё цэ? А стары'й вжэ, тай но'гы так нэ би'гають* (ст-ца Старомышастовская). Темпоральное значение у слова *жизнь* отмечается и в таких типовых контекстах, как *жизнь настала / настает..., жизнь наступила / наступает..., жизнь пошла...*

Между тем человек, по мироощущению носителей говоров, может и сам выступать как активный субъект по отношению к жизни: *Пэрэжылы' всэ, усэ' покуштува'лы оци'й жы'зни* (хут. Беликов). *Жысть таку' я нэ пэрэда'м ныко'му, тижо'ла жысть* (ст-ца Старокорсунская).

В субъектных и объектных образах в ДКМ метафорически представлено и такое абстрактное понятие, как *болезнь*. Народные представления о болезни и её этиологии имеют древние, сакрализованные истоки, что находит выражение в лечебно-обрядовых ритуалах, закреплённых опытом предшествовавших поколений. Появление болезни передаётся глаголами, указывающими в прямом значении на физическое отрицательное воздействие на объект. См., напр.: *бить / разбить* – *Совси'м вона' больна': еи' вжэ пара'лик два ра'за розбива'в* (ст-ца Елизаветинская). *Ат пирипуга' быва'ит...Рибёнак пирипуга'цца – йиво' и бьёт младе'ниц* (хут. Красный Октябрь). *Бо'жсье, во'но молы'твой ле'чицца. Так бьёт, так бьёт, и лика'рства нэ помога'ють* (пос. Кучугуры); *держать* – *Его ж когда младенческий держит, разговаривать нельзя. Читать «Отче наш»...* (ст-ца Мохошевская) (Семенцов, 2002: 99); *корёжить* – *Ребёнка, когда он ляжет спать, если нападёт болезнь, начинает крутить и корёжить* (ст-ца Гостагаевская) (Семенцов, 2002: 97); *мучить / замучить* – *Дет хво'рай, хваро'ба заму'чала* (ст-ца Отрадная). *Мэ'нэ боли'сть начава' му'чать вжэ на ста'рости: у мэ'нэ радикули'т як свэдэ' спы'ну, хоть кры'ком крычи'* (ст-ца Старомышастовская); *напасть* – *Нападёт, быва'ла, така'я бале'знь на дите'й – младе'нчиская. Ат ниё ма'ла хто выжыва'л* (хут. Железный). *Ни е'ш нимы'тыи памидо'ры: швытка' на'стя нападёт, ни да'й Бох* (г. Кропоткин). *Сухо'ты напа'лы – такы'й худы'й став* (ст-ца Старотитаровская.); *схвати(ы)ть / схватываться* – *Сибир'ка схва'тываицца. Схвати'лся си'ний валды'рь, пичёт. Сибир'ку, дочь, ба'нка личи'ла* (ст-ца Архангельская). *Ва'ня помэ'р. Дэ'цкая ёго схвати'ла. Туди'рачи'в ны було'...* (ст-ца Ахтанисовская). Появление болезни может передаваться глаголом *приц/чепи'ться*. Образ *приц/чепи'вшейся* болезни ассоциируется с

образом субъекта, который, прицепившись к некой поверхности, перестаёт двигаться, оставаясь на одном месте. См., напр.: *Как какая хвароба прицэпицца, ана сразу бигить да банки* (хут. Андриюки). *Ра'ньшы сибирка була' (я'зва сибирска), вот на наги' причи'тицца, покрасни'ла нага'* (ст-ца Бородинская). – *Плива'ть в аго'нь – Бо'жэ упаси'!* *О'гнык прыче'пыцца* (ст-ца Платнировская). Помимо приведенных общенародных глаголов в речи информантов частотен семантический диалектизм *накры'ть*, актуализирующий диалектное значение 'постигать (о болезни, несчастье)' (СРНГ 19: 352). Этот глагол в речи носителей КГ, как правило, употребляется в сочетании с диалектными номинациями детской болезни смазмофилии, вызванной испугом или сглазом и приводящей, как правило, к смерти или инвалидности (*де'тска(я), де'тске, младе'нец, младе'н(ь)ска(я), младе'нски(ы)й, младе'нское, младе'нческа(я), младе'нческе, младе'нческий, младе'нческое, младе'нчик*). См., напр.: *Младе'нская накры'ла Ва'лю: но'шки свило', фся' си'няя* (ст-ца Архангельская). *Де'цка накры'ла ма'линьким, и но'шку и ручку одибра'ло* (ст-ца Ахтанизовская). *Бра'та младе'нчиский накры'л. Ни спасли'* (ст-ца Тверская). Отметим «зеркальное» употребление глагола *накры'ть / накрыва'ть* для обозначения и действия болезни, и ритуального действия, направленного на её лечение. См., напр.: *Ра'ньшэ бы'ло... Младе'нчиская – боле'зня така'я. Мгнове'нно рибёнка накрыва'ит. На'до чёрным чем-нибу'ть накры'ть* (ст-ца Старотитаровская). *Сыно'чка накры'ла младе'нская. Сказа'ли: на'да накры'ть винча'льным пла'тьим. Паку'да нашли', пришли', накры'ли – всё равно' у'мир* (ст-ца Чамлыкская).

Осмысление болезни как активного субъекта распространяется также на животный и растительный мир. См. высказывания с глаголом *напасть*: *На курча'т боле'сть напала* (ст-ца Ахтанизовская). *На капу'сту бале'зня напала – мы'лам апры'скав* (хут. Марьинский).

Восприятие болезни как независимого субъекта проявляется в сочетаемости существительного, номинирующего заболевание, с глаголами движения, актуализирующими семантический признак физической

активности: **Тиф** – нивазличи'мый он. Е'сли зайдёт' ва дво'р, два-три чилаве'ка умира'ли (ст-ца Архангельская). **Сухо'ты пишлы'**. Дыты'на усыха'е. Носы'ла до ба'нки, вона' поробы'ла... (хут. Садки). В рассказах о детской болезни спазмофилии зафиксирован статический глагол *стоять*: *И просто родылось, кажут'. Оно, кажут', в каждого человека эта болезнь есть, стоит* (ст-ца Гостагаевская) (Семенцов, 2002: 99).

Больной испытывает разные виды боли. См., напр.: *Доса'днык як а'сма. Жмэ чёлови'ка. Лю'ды задыха'юцця* (ст-ца Дядьковская). *Два го'да э'та бале'зня миня' крути'ла* (пос. Пашковский). *К ниго'де у ба'бак но'ги крути'ла* (ст-ца Родниковская). Как самостоятельный субъект может метафорически осмысливаться больная часть тела, которая воспринимается как причина потери трудоспособности. См., напр.: *Ужэ' ру'ки ны ро'бят, но'ги ны но'сют'* (ст-ца Бородинская). *Одирва'вся нерв от позвонка' – и нэ ста'лы но'гы робы'ть* (ст-ца Стародеревянковская).

Болезнь в сухой метафоре может выступать в качестве объекта действия, однако такие высказывания нечастотны [ср. Галимова, 2011: 21]. В подобных случаях активная роль отводится человеку, что подчёркивает его ответственность за своё здоровье. См., напр.: *Вце я соби' боли'зню зробы'ла: зымо'ю йшла у магазы'н, скли'ско було', я упа'ла та я'к-то на ру'ку и ру'ку злома'ла* (ст-ца Старомышастовская).

Экзистенциальная категория смерти в сухих метафорах моделируется как субъект, объект и пространство. Как субъект, смерть *приходит*, причем самостоятельно определяя время своего появления, поэтому человеку остается только ждать смерти, выступающей в этом случае уже в роли объекта ожидания. См., напр.: *Ста'рая ста'ла. Сиди', дажыда'й сме'рти* (ст-ца Владимировская). *А тэпэ'р ужэ' до смэ'рти дожыва'ю, жду смэ'рти. Зять ка'жэ: «Оддыха'й тэпэ'р». Я кажу': «Хиба' цэ одды'шка, жду' смэ'рти»* (ст-ца Стародеревянковская). Подобные высказывания информантов преклонного возраста частотны, что позволяет рассматривать их как стереотипизированный сценарий «ждать смерти», отражающий

развивающуюся во времени и пространстве денотативную ситуацию ожидания окончания жизни.

Важнейший мотив «смертного текста» – путь (Толстая, 1999: 231), для обозначения которого используются общенародный глагол *ходить*, его дериваты и синонимы. Чаще глаголы движения употребляются в полных конструкциях с обозначенным конечным пунктом пути (Толстая, 1999: 232), которые, как правило, фразеологизируются. См., напр., в КГ: *пойти' домо'й / до до'му, уйти' на Ро'дину, пийты' / пойти' до жи'нки, до му'жа / до чёлови'ка*. В данных ДФЕ загробный мир осознаётся как свой: в нём происходит встреча с ранее умершими родственниками, воссоединение с предками. Приведённые выражения в КГ имеют христианизированные варианты, где смерть выступает как пространство: *идти' до Бо'га, отпра'виться к Бо'гу на небеса', на тот свет собра'ться* и т. п. Конечным пунктом жизненного пути является кладбище. Помимо структурных вариантов *кла'дбище, кла'йбище* в КГ зафиксированы следующие диалектные синонимы: *буго'р, гора', гробкы', курга'н, моги'лки, ча'стые кресты'* – в ст-це Зассовской, *пя'тая со'тня* – в с. Кулешовка, *в сирэ'нь* ‘на кладбище’ – в ст-це Владимировской. Для диалектоносителей указанные слова выполняют номинативную функцию. Кладбище – место, куда старый человек *собирается*, куда ему *надо, пора*, куда он *пойдёт*. См., напр.: *На буго'р на'да, а ни биру'ть* (ст-ца Архангельская). *Ста'рых ужэ' нэма': все у'мирли. Ужэ' ско'ра и мы пайдём на го'ру. На гарэ'-та харашо'* (ст-ца Каладжинская). *Пара' ужэ' на го'ру: е'ли ла'жу. Адно' прашу' Ва'ньку: пагляда'й за мно'й, чи я жыва'* (ст-ца Отважная). *Сабира'юсь ужэ' на го'ру* (ст-ца Передовая). В речи информантов частотна сухая метафора *отнесут на кладбище*, что связано с сельской традицией нести гроб с умершим на руках. См., напр.: *У на'с на кла'дбищи мно'га сирэ'ни. Вот и гаваря'т: «Ско'ра ужэ' в сирэ'нь атнису'ть»* (ст-ца Владимировская).

Проанализированный языковой материал позволяет констатировать: образность в ДКМ жителей Кубани, как и в общенациональной картине мира,

реализуется в развитии переносных значений слов, в появлении образных устойчивых выражений, в создании на основе метафорического переноса ряда УНТС, в функционировании в речи диалектоносителей метафор различных видов. Чувственно-конкретное осмысление мира во многом имеет надтерриториальный характер, что проявляется в использовании типичных метафорических моделей, в наличии структурных вариантов общенародных и диалектных фразеологизмов, в клишированных стёртых метафорах. Между тем в образном освоении мира жителями Кубани обнаруживаются и этноспецифические черты, детерминированные природными, бытовыми и социальными условиями проживания, ценностными ориентирами членов диалектного сообщества, а также особенностями кубанского региона как казачьего края. В целом образное осмысление окружающей действительности, будучи конститутивным признаком ДКМ, помогает сельскому человеку осознать себя, свое место в мире.

Источники – References in Russian

Андрющенко В. И., Иванова Р. И., Иванова Т. Г., Пелих В. М. Фразеологический словарь говоров Кубани. – Армавир: Изд-во АГПУ, 2006. – 300 с.

Борисова О. Г. Опыт словаря кубанских говоров. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018. – 485 с.

Русский говор Кубани: словарь / под ред. Е. П. Шейниной и Е. Ф. Тарасенковой. – Краснодар, 1991. – 414 с. Деп. в ИНИОН Рос. акад. наук 12. 11. 1992, № 47266.

Ссылки – References in Russian

Борисова, 2019 – Борисова О. Г. Лексика и фразеология кубанских говоров как макросистема: модель и её реализация: дис. ... докт. филол. наук. – Краснодар, 2019. – 612 с.

Галимова, 2011 – *Галимова Д. Н.* Экзистенциальные категории в зеркале диалектной метафоры: лингвокультурологический анализ // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2011, № 4. – С. 11–23.

Гынгазова, 2009 – *Гынгазова Л. Г.* Интерпретационный потенциал соматизмов в описании картины мира языковой личности диалектоносителя // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2009, № 1 (5). – С. 13–21.

Ивашко, 1981 – *Ивашко Л. А.* Очерки русской диалектной фразеологии. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1981. – 111 с.

Коготкова, 1979 – *Коготкова Т. С.* Русская диалектная лексикология (состояние и перспективы). – М: Наука, 1979. – 333 с.

Овчинникова, 2006 – *Овчинникова Л. Н.* Диалектная картина мира в социально-культурном аспекте (на примере глагольных метафор русских народных говоров Среднего Урала) // Политическая лингвистика. – 2006, № 18. – С. 170–180.

Пришвин – *Пришвин М. М.* Путешествие. Режим доступа: <https://readli.net/chitat-online/?b=91792&pg=1>

Радченко, Закуткина, 2004 – *Радченко О. А., Закуткина Н. А.* Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен // Вопросы языкознания. – 2004, № 6. – С. 25–48.

Семенцов, 2002 – *Семенцов М. В.* «Младенческое набилось в живот» (традиционные этиологические и нозологические представления в народной медицине кубанских казаков) // Семенцов М. В. (ред.) Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2001 г. Дикаревские чтения (8). – Краснодар: Крайбибколлектор, 2002. – С. 95–104.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Ф. П. Филин (вып. 1–23), Ф. П. Сороколетов (вып. 23–40), С. А. Мызников (вып. 41–51) (гл. ред.). М.; Л.; СПб., 1965–.

Толстая, 1999 – Толстая С. М. Славянские народные представления о смерти в зеркале фразеологии // Телия В. Н. (отв. ред.) Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 229–234.

References

Borisova, O. (2019) *Leksika i frazeologiya kubanskikh govorov kak makrosistema: model' i ee realizatsiya*. PhD in Philological sci. diss., Kuban State University, Krasnodar, 612 p. (In Russian)

Galimova, D. (2011) *Ekzistentsial'nye kategorii v zerkale dialektnoy metafory: lingvokul'turologicheskiy analiz* // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie*, No. 4, pp. 11–23. (In Russian)

Gyngazova, L. (2009) *Interpretatsionnyy potentsial somatizmov v opisani kartinny mira yazykovoy lichnosti dialektonositelya* // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, No. 1 (5), pp. 13–21. (In Russian)

Ivashko, L. (1981) *Ocherki russkoy dialektnoy frazeologii*, Izd-vo Leningradskogo un-ta, Leningrad, 111 p. (In Russian)

Kogotkova, T. (1979) *Russkaya dialektnaya leksikologiya (sostoyanie i perspektivy)*, Nauka, Moscow. 333 p. (In Russian)

Ovchinnikova, L. (2006) *Dialektnaya kartina mira v sotsial'no-kul'turnom aspekte (na primere glagol'nykh metafor russkikh narodnykh govorov Srednego Urala)* // *Politicheskaya lingvistika*, No. 18, pp. 170–180. (In Russian)

Prishvin, M. *Puteshestvie*. Access mode: <https://readli.net/chitat-online/?b=91792&pg=1> (In Russian)

Radchenko, O., Zakutkina, N. (2004) *Dialektnaya kartina mira kak idioetnicheskii fenomen* // *Voprosy Yazykoznaniya*, No. 6, pp. 25–48. (In Russian)

Sementsov, M. (2002) «Mladencheskoe nabilos' v zhivot» (traditsionnye etiologicheskie i nozologicheskie predstavleniya v narodnoy meditsine kubanskikh kazakov) // Sementsov, M. (ed.) *Itogi fol'klorno-etnograficheskikh issledovaniy etnicheskikh kul'tur Severnogo Kavkaza za 2001 g. Dikarevskie chteniya* (8), Kraybibkollektor, Krasnodar, pp. 95–104. (In Russian)

Slovar' russkih narodnyh govorov (1965–), F. P. Filin (vol. 1–23), F. P. Sorokoletov (vol. 23–40), S. A. Myznikov (vol. 41–51) (ed.), Nauka Press, Moscow, Leningrad, St. Petersburg. (SRNG) (In Russian)

Tolstaya, S. (1999) Slavyanskije narodnye predstavleniya o smerti v zerkale frazeologii // Teliya V. (ed.) *Frazeologiya v kontekste kul'tury*, Yazyki russkoy kul'tury, Moscow, pp. 229–234. (In Russian)